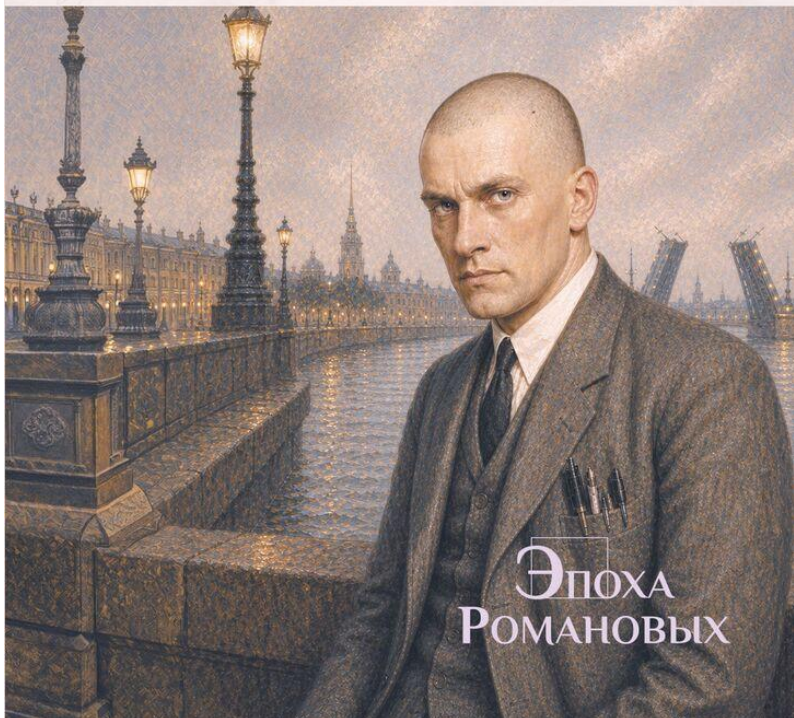


12+

Анна Пейчева

РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ ПОЭТА: 8 ИСТОРИЙ НЕСЧАСТНОЙ ЛЮБВИ



ЭПОХА
РОМАНОВЫХ

Анна Пейчева

Разбитое сердце поэта:

8 историй несчастной любви.

Серия «Эпоха Романовых»

<https://litres.ru/74224938>

ISBN 9785007036061

Аннотация

Счастливый поэт напишет хорошие стихи. Страдающий — гениальные. Быть может, жестокие возлюбленные русских классиков оказали мировой литературе величайшую услугу? Из осколков своих разбитых сердец Пушкин, Тургенев, Чехов, Маяковский сложили прекрасные произведения. Вот только сами писатели были совсем не рады такому развитию своих романов.

Содержание

От автора	7
Александр Грибоедов и Нина Чавчавадзе	9
«Ах, злые языки страшнее пистолета»	10
«Влечение, род недуга»	13
«Черная роза Тифлиса»	17
Александр Пушкин и Авдотья Голицына	24
Путеводная звезда поэтов	26
«Пушкин влюблен в Пифию»	30
«Худой, обритый, но живой»	32
Александр Пушкин и Наталья Гончарова	36
Детство в сказке, юность в страхе	38
«Чистейшей прелести чистейший образец»	43
«Счастье мое зависит от одного благосклонного слова»	47
«Минуй нас пуще всех печалей...»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Разбитое сердце поэта: 8 историй несчастной любви Серия «Эпоха Романовых»

Анна Пейчева

© Анна Пейчева, 2026

ISBN 978-5-0070-3606-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Антон Павлович Чехов и его мучительная любовь к актрисе Ольге Книппер. Эта фотография 1901 года глубоко символична: пару разделяет не только столб крыльца, но и непоправимые последствия жестоких поступков.

От автора

Говорят, в любви есть привкус смерти. Сердечные драмы наших героев это подтверждают. Грибоедов, Пушкин, Надеждин, Чехов, Маяковский ушли из жизни молодыми, сгорая от страсти, ревности, тоски. Но в пламени этих чувств родились их лучшие произведения.

«Любовь сильнее смерти и страха смерти; только ею, только любовью держится и движется жизнь», — писал Тургенев.

«Мужчины, женщины, постоянно рождающиеся для любви, в полный голос заявите о своем чувстве, кричите: „Я люблю тебя“, вопреки всем страданиям, проклятиям, презрению скотов, хуле моралистов. Кричите это вопреки всяческому превратностям, утратам, вопреки самой смерти... Любить — это единственный смысл жизни. И смысл смыслов, смысл счастья», — восклицал Поль Верлен. Стихи этого поэта читали друг другу Ахматова и Модильяни под черным зонтом в Люксембургском саду...

«Любовью всё покупается, всё спасается. Любовь такое бесценное сокровище, что на нее весь мир купить можешь, и не только свои, но и чужие грехи еще выкупишь», — верил Достоевский, спасенной женой от «демона игры».

Да, любовь — это «русская рулетка», и патрон может оказаться смертельным. Но когда дуло у виска — какими красками вспыхивает жизнь!

Давайте перенесемся из нашего несентиментального времени в прекрасную эпоху, когда о чувствах не стеснялись говорить открыто, когда жили — и умирали ради любви.

**Александр Грибоедов
и Нина Чавчавадзе
«Но для чего пережила
тебя любовь моя!»**



Он женился в жарком тумане, страдая от лихорадки. Черные локоны под белой фатой... Звон кольца по полу каменной церкви... Аромат сочного мяса на углях из виноградной лозы... Свадьба Грибоедова и грузинской княжны Нины была похожа на сон. А закончилось все кошмаром — спустя всего шесть месяцев.

«Ах, злые языки страшнее пистолета»

До встречи с Ниной писатель слыл холодным ловеласом и горячим бретёром. В 1817 году Александр Сергеевич стал участником печально знаменитой четверной дуэли, взбудоражившей весь Петербург. Стрелялись из-за балерины Авдотьи Истоминой, которую Грибоедов привез на чай к своему приятелю Завадовскому. «Чаепитие» изрядно затянулось — балерина провела в доме Завадовского два дня.

О скандальном визите узнал постоянный ухажер Истоминой — штабс-ротмистр Шереметев. Пылая от гнева, Шереметев никак не мог решить, кого же ему вызвать на дуэль, Грибоедова или Завадовского, и в итоге вызвал обоих. Четвертым поединщиком стал гвардеец Якубович, подстрекавший Шереметева к решительным действиям.



Грибоедов на четверной дуэли в 1817 году

Первым стрелял Шереметев. Пуля пролетела так близко от шеи Завадовского, что оторвала воротничок его сюртука. Завадовский не долго раздумывал — выпустил пулю в живот Шереметева. Ранение оказалось смертельным; штабс-ротмистр скончался на следующий день. Грибоедов и Якубович отложили свой поединок.

Дуэль продолжилась осенью 1818 года в Тифлисе. Якубович прострелил писателю мизинец левой руки. Грибоедов, весь в крови, поднял пистолет, прицелился — но вспомнил

несчастливого Шереметева и выпалил в воздух.

Поединок обрушил карьеру Якубовича — его перевели прапорщиком на Кавказ. Грибоедов же был слишком ценным востоковедом, ему предстояла важная дипломатическая миссия в Персии, поэтому для него дуэль имела лишь личные последствия. Писатель полностью переосмыслил свои творческие и жизненные ориентиры. Придумал «Горе от ума» — и открыл свое сердце горю от любви.

«Влечение, род недуга»

На Востоке Александр Сергеевич провел несколько лет. Выучил арабский и персидский — в дополнение к четырем европейским языкам, а также латыни и древнегреческому, которыми он владел с детства. Провел ряд блестящих переговоров с визирем Аббас-Мирзой, наследником иранского шаха. Высвободил из персидского плена русских солдат. Дописал первую версию «Горе от ума».



Грибоедов (стоит справа) на переговорах с иранцами

К 1823 году Грибоедов устал от раскаленного Востока, испросил себе длительный отпуск. Москва, Петербург — и наконец, писатель оказался на чудном, вдохновляющем Кавказе.

«Жизнь его в Тифлисе ничем не отличалась от скромной жизни всякого молодого и благовоспитанного человека, — рассказывает дореволюционный историк Адольф Берже. — Поселившись на армянском базаре, в небольшом доме, в котором занимал верхний этаж, состоявший всего из двух небольших комнат, обращенных окнами на север, откуда открываются предгорья Главного Кавказского хребта, Грибоедов большею частью оставался у себя, одетый, по обыкновению, в туземном архалуке. Всегда и всеми любимый, он посещал лучшие семейные кружки тифлисцев, чаще всего бывал у Сипягина и у вдовы генерал-майора Ахвердова, где впервые увидел княжну Нину Чавчавадзе, сделавшуюся впоследствии его женой».

Писателю тогда было 28, княжне — всего 11. Ребенок совершенный! Грибоедов не подозревал, что спустя несколько лет сделает Нине предложение. Он вообще в те годы о браке не думал — с головой ушел в творчество. Отшлифовывал «Горе от ума», писал музыку — великолепные фортепианные вальсы.

Потом было дело декабристов — Грибоедова арестовали прямо на Кавказе, но не смогли доказать его причастность к

восстанию в Петербурге, выпустили с «очистительным аттестатом» и выдачей «не в зачёт» годового жалования. Писателя снова отправили на Восток, на этот раз русским послом в Тегеран — проездом через Тифлис.

Во Владикавказе Грибоедов нанял казачьих лошадей и дальше двинулся верхом, чтобы насладиться величественными видами окружающей суровой природы. На Гартискарском перевале Александр Сергеевич расположился обедать на ковре, разостланном под густой сенью старого дуба. К вечеру 4 июля писатель прибыл в Тифлис, где его встречали десятки местных чиновников, верхом и на дрожках. На следующий день торжества в честь визита Грибоедова продолжились большим обедом у военного губернатора Сипягина, где Александра Сергеевича усадили рядом с повзрослевшей Ниной Чавчавадзе.

— Ах! Мурильевская пастушка! — воскликнул писатель, потрясенный классической красотой княжны. Нежная Нина и правда походила на Мадонну эпохи изящного барокко.

Ухаживания Грибоедова были стремительными и неотразимыми. Через две недели Нина согласилась стать его женой, еще через четыре — сыграли свадьбу. Венчались в Сионском соборе 22 августа 1828 года. Писателю оставалось жить шесть месяцев.



Дочери князя Чавчавадзе танцуют лезгинку. В центре София, справа Нина и Екатерина

«Черная роза Тифлиса»

Еще до свадьбы Александр Сергеевич тяжело заболел. Лихорадка терзала его весь август. В церкви голова жутко закружилась. Едва понимая, что происходит, Грибоедов дрожащими пальцами взял обручальное кольцо — и уронил его на пол. Гости перешептывались: «Плохая примета».

Писатель пришел в себя только к середине сентября. И наконец-то смог продолжить свое путешествие в Тегеран. Молодая жена провожала любимого до Тавриза. В столицу Ирана Нина не смогла поехать, ей было плохо — она уже ждала ребенка. Прощаясь с мужем 4 декабря, княжна горько плакала, словно чувствуя, что видит его в последний раз.

Грибоедов очень скучал по Нине. Писал ей из Тегерана страстные письма: «Помнишь, как я тебя поцеловал, скоро и искренно мы с тобой сошлись, и на веки. Помнишь первый вечер, как маминька твоя и бабушка и Прасковья Николаевна сидели на крыльце, а мы с тобою в глубине окошка, как я тебя прижимал, а ты, душка, раскраснелась, я учил тебя, как надобно целоваться крепче и крепче. А как я потом воротился из лагеря, и ты у меня бывала. Душка!»

30 января 1829 года обезумевшая толпа напала на русское посольство в Тегеране. Грибоедов погиб в неравной схватке с религиозными фанатиками. Его сумели опознать только по мизинцу левой руки, простреленному много лет назад в Пе-

тербурге.



Резня в русском посольстве в Тегеране в 1829 году

Близкие пытались скрыть от Нины гибель мужа, но о рез-

не в посольстве писали во всех газетах. Проклятый черный февраль! Сначала — страшные вести из Тегерана, затем — потеря ребенка...

По распоряжению вдовы над могилой Грибоедова в Тифлисе был установлен надгробный памятник с надписью: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!»



ПОЯВЛЯЮЩИЙСЯ
ВЪ НАШЕЙ РАБОТѢ
ВЪ 1820 Г. ПОСЛѢ
СМЕРТИ ЕГО

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ
ГРИБОѢДОВЪ,
РОДИЛСЯ 1795 ГОДА ФЕВРАРЯ 4 ДНЯ,
УМЕРЪ ВЪ ТЕТЕРЬ 1820 Г.
ВЪ ВОЗРАСТѢ 25 Л.

Могила А. С. Грибоедова в гроте под церковью Святого Давида на горе Мтацминда в окрестностях Тифлиса

Нина всю жизнь носила траур по мужу, отвергая все предложения руки и сердца. Ее называли Черной розой Тифлиса.

В 1857 году княжна скончалась от холеры, прижимая к груди последнее письмо супруга: «Бесценный друг мой, жаль мне тебя, грустно без тебя как нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значит любить. Прежде расставался со многими, к которым тоже крепко был привязан, но день, два неделя, и тоска исчезала, теперь чем далее от тебя, тем хуже. Потерпим еще несколько, Ангел мой, и будем молиться Богу, чтобы нам после того никогда более не разлучаться».



Бартоломе Мурильо «Мадонна с чётками» (1650)

Александр Пушкин и Авдотья Голицына «Я слабою рукой искал тебя во мгле»



На выпускных экзаменах Пушкин провалился: ответы его были неудовлетворительны, стихотворение читал слабое — «Безверие» никому из профессоров Лицея не понравилось; выпустили его девятнадцатым. Но наш герой смотрел в будущее с беспечностью поэта; в октябре 1817 года он начал в Петербурге жизнь самостоятельную и крайне веселую. Связи

отца открывали молодому Пушкину вход в лучшие кружки большого света. В доме номер 30 по Миллионной улице он познакомился с эксцентричной хозяйкой блестящего салона — княгиней Голицыной, которую называли Пифией и Княгиней Ночи; и влюбился в нее до безумия.

Путеводная звезда поэтов

Авдотья Голицына была красива, умна и взбалмошна. А еще она была в два раза старше Пушкина — но в свои тридцать семь выглядела неотразимо.

«Прекрасные волосы, черные, как смоль, такие шелковистые и тонкие, падали локонами на приятно округлую шею, — вспоминала французская актриса Луиза Фюзиль, гостья княгини. — Необычайно выразительное лицо было полно очарования; в фигуре и походке ее, весьма грациозной, была какая-то мягкая непринужденность; и когда она поднимала свои огромные черные глаза, у нее был тот вдохновенный вид, который придал ей Жерар в одной из своих прекрасных картин, где она была изображена. Когда я увидела ее в саду, она была одета в индийское кисейное платье, которое изящно драпировало ее фигуру. Она никогда не одевалась так, как другие женщины; при ее молодости и красоте эта простота античных статуй шла ей как нельзя более».



Алексей Егоров «Портрет Голицыной А. И. в образе весталки» (начало XIX века)

Вообще-то у Авдотьи был муж — князь Сергей Михайлович Голицын, за которого она вышла еще в 1799 году, когда Пушкин только родился. С тех пор княгиня успела развестись, найти возлюбленного — Михаила Долгорукова — и потерять его на войне. Страдая от горя, Авдотья отправилась странствовать по Европе, где затмила собой всех неапольских красавиц, потом вернулась в Петербург и завела в своем особняке на Миллионной экстравагантный литературный салон, который открывался только в темное время суток. Однажды гадалка предсказала Авдотье, что ее смерть придет ночью, и потому княгиня отсыпалась днем, а после полуночи окружала себя людьми.

У Голицыной собирались все знаменитости: Жуковский, Карамзин, Батюшков, Вяземский. Но обсуждали не литературу, а политику. Хозяйка призывала к «интеллигентной» революции, «толковала о либеральности и конституциях», писала философские трактаты о вреде «беспредельного самовластия». До восстания декабристов было еще далеко; но в салоне Княгини Ночи уже расцветали протестные настроения.



Литературный вечер у Жуковского

«Пушкин влюблен в Пифию»

Экзотическая атмосфера салона и его эффектная хозяйка произвели на вчерашнего лицеиста неизгладимое впечатление. Пушкин не пропускал ни одного собрания у Голицыной, которую его старшие друзья называли Пифией — жрицей-прорицательницей, вдыхавшей дурманный пар из расщелины парнасской скалы и в экстазе предрекавшей будущее.

«Пушкин влюблён в Пифию; он перед нею прыгает, коверкается, но, к сожалению, не пишет ей стихов», — сообщал Карамзин одному приятелю. Другому он рассказывал подробнее: «Наш усердный собеседник — поэт Пушкин, который у нас в доме смертельно влюбился в Пифию Голицыну и теперь проводит у нее вечера: лжет от любви, сердится от любви, только еще не пишет от любви. Признаюсь, что я не влюбился бы в Пифию: от ее трезубца пышет не огнем, а холодом».

Немного освоившись, Пушкин взялся и за стихи для Пифии. Сначала было простое: «Краев чужих неопытный любитель...»

*«Где женщина — не с хладной красотой,
Но с пламенной, пленительной, живой?
Где разговор найду непринужденный,*

*Блистательный, веселый, просвещенный?
С кем можно быть не холодным, не пустым?
Отечество почти я ненавижу —
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с отечеством моим».*

Удостоившись от княгини ласковой похвалы, Пушкин решился на более серьезный шаг. Отправил ей свою оду «Вольность», грозившую злодеям-царям страшной гибелью, и сопроводил рукопись следующим посвящением:

*«Простой воспитанник Природы,
Так я, бывало, воспевал
Мечту прекрасную Свободы
И ею сладостно дышал.
Но вас я вижу, вам внимаю,
И что же?.. Слабый человек!..
Свободу потеряв навек,
Неволю сердцем обожаю».*

Стихи и ода были приняты изощренной княгиней благосклонно, хотя и сочтены несколько наивными. Остаток 1817 года промелькнул для Пушкина под знаком «произвола страсти», в «шуме пиров и буйных споров».

«Худой, обритый, но живой»

Ночной, разгульный и хмельной образ жизни плохо ска-
зался на здоровье юного поэта. Сразу после Нового года
Пушкин отчаянно занемог, о чем упоминал потом в своих
Записках:

«Болезнь остановила на время образ жизни, избранный мною. Я занемог гнилою горячкою. Лейтон за меня не отвечал. Семья моя была в отчаянии; но через 6 недель я выздоровел. Сия болезнь оставила во мне впечатление приятное. Друзья навещали меня довольно часто; их разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровления одно из самых сладостных. Помню нетерпение, с которым ожидал я весны, хоть это время года обыкновенно наводит на меня тоску и даже вредит моему здоровью. Но душный воздух и закрытые окна мне так надоели во время болезни моей, что весна являлась моему воображению со всей поэтической своей прелестью. Это было в феврале 1818 года».



Пушкин в Михайловском

В разгар болезни случились два события: во-первых, доктор усадил пациента в ванну со льдом, и это сработало; во-

вторых, однажды ночью к Пушкину явилась Пифия собственной персоной, переодевшись в мужскую военную форму — чтобы не узнали. Об этом Пушкин рассказал в элегии «Выздоровление»:

*«Так, видел я тебя; мой тусклый взор узнал
Знакомые красы под сей одеждой ратной:
И слабым шепотом подругу я назвал...
Но вновь в уме моем стеснились мрачны грезы,
Я слабою рукой искал тебя во мгле...
И вдруг я чувствую твое дыханье, слезы
И влажный поцелуй на пламенном челе...»*

После болезни Пушкин на время оставил высший свет и «хладные прелести Невы» — отправился в Михайловское, к «деревенской свободе». «Я ускользнул от Эскулапа, худой, обритый, но живой», — сообщал он другу Энгельгардту.

Тем летом Пушкин полностью посвятил себя поэзии — много работал над «Русланом и Людмилой» и почти не вспоминал столичную Пифию. Вернувшись осенью в Петербург, он увлекся творческими посиделками у Жуковского, где писатели говорили уже не о политике, а о литературе. На одном из этих замечательных вечеров Жуковский поднес Пушкину свой портрет с надписью: «Ученику-победителю от побежденного учителя в высокаторжественный день окончания Руслана и Людмилы». И это оказалось в тысячу раз приятнее, чем снисходительная улыбка высокоумной Княгини

Ночи.

Александр Пушкин и Наталья Гончарова «О, как мучительно тобою счастлив я»



«Разрушительно, опустошительно хороша» — говорили о Наталье современники. Красота сломала Гончаровой жизнь; лишила ее мужа, семейного спокойствия, доброго имени. Первая красавица Петербурга до отвращения ненавидела балы; но разве можно отказаться от танца с самим императором? Не только Дантес вмешался в счастливый брак Ната-

льи; грозная тень Николая I нависла над домом Пушкиных.

Детство в сказке, юность в страхе

Первые пять лет жизни Наталья провела словно в волшебном царстве. Пока ее родители вращались в высшем свете в Москве, маленькая Таша росла под присмотром богатого деда в фамильном имении в калужской деревне под названием Полотняные Заводы. Семья Гончаровых была настолько богата, что по углам дедовского кабинета всегда громоздились объемистые мешки из доморощенного полотна, туго набитые золотом. Начало этому капиталу когда-то положил крестьянин-самородок Афанасий Абрамович Гончаров — любимец Петра Великого, гениальный предприниматель, основавший первый в России завод, на котором производились полотна для парусов.

Дед души не чаял в голубоглазой Таше. Дочь Натальи, Александра Арапова, рассказывала: «Не успевала она выразить желание, — как оно уже было исполнено. Самые затейливые, дорогие игрушки выписывались на смену не успевших еще надоесть; глаза разбегались, и аппетит пропадал от множества разнообразных лакомств; от нарядов ломились сундуки, и все только вращалось около единой мысли: какую бы придумать новую лучшую забаву для общей любимицы».

Когда Наталье исполнилось пять лет, мать решила забрать ее к себе, чтобы дать дочери городское образование и воспитание. Только тогда девочка по-настоящему узнала своих

родителей. День приезда в Москву навсегда врезался в память Натальи.

«Стояла зима: ее на руках вынесли из возка, укутанную в драгоценную соболью шубу, крытую алым бархатом, и принесли в гостиную. Братья и сестры обступили ее, с любопытством разглядывая лицо, ставшее им чуждым. Мать сдержанно поцеловала и, с неудовольствием оглядывая дорогой наряд, промолвила: „Это преступление — приучать ребенка к неслыханной роскоши!“ Потом она сдала оробевшую девочку на руку нянюшек и строго заметила: „Первым делом надо Наташу от всего привитого к ней отучить“. И не прошло двух дней, как дорогая шуба, предмет общего восхищения, преобразилась в „палатинки“ и муфты для трех сестер, и младшей, хотя и законной обладательнице меха, досталась худшая из них».

Мать оказалась деспотичной и придирчивой. Но самое страшное открытие ждало впереди. Отец Натальи страдал от тяжелой формы психического расстройства и временами был чрезвычайно опасен для окружающих. Буйным сценам, неистовым крикам, наполнявшим весь дом даже по ночам, не видно было конца. Как-то раз отец схватил со стола нож и набросился на маленькую Наташу:

«Голова кружилась, сердце учащенно билось, ноги подкашивались, а инстинкт самосохранения внушал, что достаточно оступиться, чтобы погибнуть безвозвратно. Лестница казалась нескончаемой; с каждой ступенью отец настигал ее

ближе; огненное дыхание обдавало волосы, и холодное лезвие ножа точно уже касалось открытой шеи. Наверху, в щель притворенной двери, с замиранием духа следили за перипетиями захватывающей сцены. Но вот и цель! Ее впустили, захлопнули надежный щит. „Спасена!“ — блаженным сознанием промелькнуло в мозгу, и эти ощущения годы были бес-
сильны изгладить».



Портрет юной Натальи Гончаровой работы В. Гау (1844)

Потом — новое несчастье. Богатый дед оказался совсем

не таким состоятельным, как всем казалось. Выяснилось, что он совершенно не умел обращаться с деньгами и, в отличие от своего предка-крестьянина, был никудышным хозяйственником. Сказочные капиталы развеялись, как дым. Родители Натальи запаниковали. Из всех сокровищ у них осталось только одно — необычайная красота младшей дочери. Наталья была настолько хороша собой, что родители не сомневались: они легко подберут ей самого богатого и знатного жениха. Мнение самой девушки можно было не принимать в расчет — Наталья выросла покорной, запуганной и тихой.

«Чистейшей прелести чистейший образец»

К тридцати годам Пушкину страшно надоело одиночество. Бесцельная, тусклая холостяцкая жизнь! Зима 1828 года казалась бесконечной, хотя на дворе был еще только декабрь. Морозы сковали душу Пушкина. Даже самые волнующие, важные события оставляли поэта равнодушным. Он только что получил хвалебный отзыв от императора на новую поэму «Полтава», Николай I назвал произведение «благородной литературой», — но поделиться этой радостью было не с кем.

Что ж... Пришла пора и «непостоянному обожателю очаровательных актрис» обзавестись уютным семейным очагом.

«Участь моя решена, — рассуждал Пушкин на страницах тетради для набросков. — Я женюсь, т. е. я жертвую независимостию, моею беспечной, прихотливой независимостию, моими роскошными привычками, странствиями без цели, уединением, непостоянством... Пока я не женат, что значат мои обязанности? Есть у меня больной дядя, которого почти никогда не вижу. Заеду к нему — он очень рад; нет — так он извиняет меня. Я ни с кем не в переписке, долги свои выплачиваю каждый месяц... Обедаю в ресторации, где читаю или новый роман, или журналы; если ж Вальтер Скотт и Купер ничего не написали, а в газетах нет какого-нибудь уго-

ловного процесса, то требую бутылки шампанского во льду, смотрю, как рюмка стынет от холода, пью медленно, радуясь, что обед стоит мне 17 рублей и что могу позволять себе эту шалость».

Где же найти спутницу жизни? Разумеется, в нарядной рождественской Москве, засыпанной снегом и романтическими надеждами! В неоконченных заметках «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкин с ностальгией описывал знаменитые московские ярмарки невест: «Во всех концах древней столицы гремела музыка, и везде была толпа. В зале Благородного собрания два раза в неделю было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками».



Встреча Александра Пушкина и Натальи Гончаровой
(худ. Н. Овечкин «Мир гения», 1980-е)

Самая непринужденная атмосфера царила на «детских балах» танцмейстера Петра Андреевича Йогеля, собиравшего в одном зале всех своих воспитанников, от мала до велика. Пушкин, один из лучших учеников Йогеля, получил приглашение от маэстро на рождественский «детский бал» в доме Кологривовых — где в этот вечер танцевала Натали в белом воздушном платье и золотом обруче. Прекрасная, царственная и холодная, как зимняя принцесса, она мгновенно разожгла огонь в душе поэта.

Прямо на балу Пушкин сочинил шуточный экспромт: «Я влюблен, я очарован, я совсем огончарован!», однако влюбился он вовсе не на шутку. Поэт решил свататься к Наталье Гончаровой.

«Счастье мое зависит от одного благосклонного слова»

Но что же Наталья? Как она приняла ухаживания столичного денди, почти в два раза старшее нее?

Великолепный Пушкин, со своим страстным напором, блестящим умом, искрометным остроумием, совершенно ошеломил скромную девушку. Ее холодность, очаровавшая поэта, была вызвана не надменностью — Наталья попросту растерялась. Она прятала в складках платья свои поношенные перчатки, стыдилась старых туфель и всё ждала, когда можно будет сбежать от этой лавины восторженных признаний.

По дороге домой Наталья выслушивала едкие комментарии матери, которая с первого взгляда невзлюбила бойкого кудрявого ухажера дочери. «Декабрист, вольнодумец, — с презрением цедила мать, боготворившая царскую семью. — За душой ни гроша, полиция за ним следит, того и гляди в Сибирь сошлют, а все туда же — увивается, острит, танцует, головы неопытным девушкам морочит! Донжуан столичный! Ты смотри у меня, Наташа, даже и не вздумай о нем вспоминать, не пара он тебе! Найдем кого получше, чтобы был на хорошем счету у государя».

Однако Пушкин оказался не так-то прост. На следующий же день после бала он со всевозможным старанием принялся

завоевывать доверие Гончаровых. Старался не дерзить будущей теще — это давалось особенно трудно, — и посвящал Наталье грустные, бесконечно красивые стихи:

*«На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может».*

Наташа увидела Пушкина с другой стороны — перед ней открылся ранимый, сомневающийся творец, раскаивающийся в грехах молодости, готовый начать новую жизнь со своей Мадонной. Она могла устоять перед насмешливым щеголем, — но не перед страдающим поэтом.

Впервые в жизни Наталья взбунтовалась. Она заявила матери, что выйдет только за Пушкина, и никаких других женихов, даже самых богатых и знаменитых, ей не надо.

Но в лице будущей тещи Пушкин нашел достойного соперника. Она не стала ссориться с дочерью, но дала потенциальному зятю абсолютно невыполнимое задание — получить благословение на этот брак у самого императора.

Пушкин бросился писать письмо начальнику Третьего отделения графу Бенкендорфу, который выступал «связным»

между поэтом и государем, и вскоре получил вдохновляющий ответ: царь с «благосклонным удовлетворением» воспринял известие о его женитьбе, а по поводу «личного положения», внушавшего некоторые сомнения будущей теще поэта, заверил, что «в нем не может быть ничего ложного и сомнительного». В качестве подарка на свадьбу царь разрешил Пушкину напечатать «Бориса Годунова», о чем поэт давно уже мечтал. Также император прибавил, что сочинение он изволил читать «с особым удовольствием».



Встреча Николая I и Пушкина (худ. О. Маслов)

Влюбленные были на седьмом небе от счастья... Пока мать не сообщила, пряча глаза: никакого приданого у Натальи нет вообще. И не мог бы сам Пушкин одолжить своей будущей теще 11 тысяч рублей с тем, чтобы она могла купить Наталье это самое приданое, а то занять денег больше не у кого.

Ошарашенный жених, и без того едва сводивший концы

с концами, заложил свое имение Кистенёво, чтобы оплатить приданое Натальи. В конце концов, деньги — такая ерунда! Главное, что спустя два с лишним года ухаживаний и переговоров этот брак все-таки состоялся. Он любим и любит — что еще человеку нужно для счастья?

«Минуй нас пуще всех печалей...»

Оказалось, что для счастья человеку нужно, чтобы теща была где-нибудь подальше, а не сидела с утра до ночи у молодоженов в гостиной, раздавая непрошенные советы и критикуя зятя за все подряд. А ведь Пушкин с такой любовью обустроивал свое первое семейное гнездышко на Арбате! Друг поэта, князь Петр Вяземский, удивлялся: «Всем казалось странно, что у Пушкина, который жил все по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство — щегольская, уютная гостиная, оклеенная диковинными для меня обоями под лиловый бархат с рельефными набивными цветочками...»

Спустя три месяца после свадьбы, в мае 1831 года, Пушкины сбежали из своей лиловой московской гостиной в Царское Село. Тещи там, к счастью, уже не было, однако влюбленных ждала новая опасность — царская милость.

Император Николай был действительно доволен женитьбой мятежного поэта. Государь не без оснований полагал, что семейная жизнь заставит Пушкина остепениться, повзрослеть и больше внимания уделять российской истории, а не «безделкам» и «забавной литературе». Поэму «Полтава» император ставил выше «Евгения Онегина», а стихотворение «Клеветникам России», написанное Пушкиным летом 1831 года, Николай жаждал получить для прочтения незамедлительно. Как же понравились государю строки:

*«Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?»*

Это писал не декабрист, не вольнодумец, а государственный муж с поистине имперскими взглядами на судьбу России! Похоже, женитьба пошла Пушкину на пользу, радовался Николай, гуляя по тенистым аллеям Царского Села. Настала пора приблизить поэта ко двору, чтобы упрочить материальное и светское положение молодой семьи. Такое творчество следует поощрять!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.